

ИГОРЬ КОРОЛЁВ
Kijów

Коммуникативное поведение разноязычных этносов: универсальное и национально-специфическое

Особенности общения того или иного народа, описанные в совокупности, в системе, представляют собой описание *коммуникативного поведения* этого народа. Национальное коммуникативное поведение в самом общем виде определяется как *совокупность норм и традиций общения народа* [Стернин, Ларина, Стернина 2003; Тер-Минасова 2007].

Термин «коммуникативное поведение» в данном значении впервые был использован И.А. Стерниным в 1989 году в работе *О понятии коммуникативного поведения* [Стернин 1989, 279–282]. В эпоху глобализации, интенсификации межнациональных контактов интерес к национальным особенностям общения высок как никогда. Это связано с общим повышением интереса общества к этническому, национальному, к менталитету и национальному характеру народов.

Описание коммуникативного поведения той или иной лингвокультурной общности выступает как часть страноведения, так как включает описание фактов этикета, национальных традиций и т. д. Коммуникативное поведение – это активное страноведение. Знания в этой области нужны для активной коммуникации, в отличие от остальной, пассивной части страноведения – сведений о культуре, географии, истории, не находящихся отражения в повседневной межкультурной коммуникации, а востребуемых лишь по мере возникновения соответствующей проблематики в акте коммуникации. Необходимо также остановиться на соотношении понятий *коммуникативное поведение* и *речевой этикет*. Коммуникативное поведение – более широкое понятие, чем речевой этикет. Последний связан, в основном, со стандартными речевыми формулами в стандартных коммуникативных ситуациях, отражающими категорию вежливости, а коммуникативное поведение описывает

тематику общения, восприятие тех или иных коммуникативных действий носителями языка, особенности общения в больших коммуникативных сферах типа *семья, коллектив, иностранцы, знакомые, незнакомые* и многих других. Коммуникативное поведение описывает не только вежливое, эталонное общение, но и реальную коммуникативную практику. Коммуникативное поведение включает речевой этикет как составную часть. В целом национальная специфика коммуникативного поведения позволяет интерпретировать ее описание как описание одного из аспектов – коммуникативного аспекта – национальной языковой личности [Караулов 1987, 5].

Существование различий между народами было очевидно с древнейших времен, задолго до появления того, что принято называть понятием «нация» [Павловская 2007, 148]. Дошедшие до сегодняшнего дня записки о путешествиях в разные страны полны описаний населяющих их жителей. Встречаются характеристики различных этносов у древних историков: Геродота, Фукидида, Нестора. Автор *Повести временных лет*, характеризуя населявшие территорию Руси племена, отмечал, что «все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждые – свой нрав». Рисовал он и конкретные психологические портреты: поляне – «кроткие и тихие», «стыдливы», древляне «жили по-скотски» и т. д. Позднее Н.В. Гоголь писал: «Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное умнохудощавое слово немец; но нет слова, которое было бы и так размашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово». Эта яркая и емкая фраза демонстрирует не только существование национальных особенностей, а и раскрывает их отражение в языке.

Особенно заметна разница национальных характеров и менталитетов при столкновении с другими культурами – будь-то за границей или же при общении с иностранцами в родной стране. Невольно замечаем то, что мы разные, причем не только во внешнем облике и внутреннем мире, поскольку у каждого человека они неповторимы. Лингвокультурный шок не возникает при общении с чужими людьми, принадлежащими к родному этносу. Такое состояние испытывает человек, замечающий различную реакцию коммуникантов на одни и те же явления, их разное поведение в общественных местах.

Современная наука по-новому подошла к изучению проблемных вопросов коммуникативного поведения разноязычных этносов. В частности, решение поставленных задач предусматривает привлечение результатов исследований таких наук, как философия, психология, социология, история, антропология, физиология, а также филология. Особенности коммуникативного поведения народов рассматриваются с разных точек зрения, ищутся новые подходы и методы. В результате, как замечает А.В. Павловская, сам факт существования национальных характеров был поставлен под сомнение [Павловская 2007, 5].

Изучение проблемы национального характера осложняется многими факторами. Его нельзя увидеть и потрогать, невозможно исследовать в лабораторных условиях. Характер проявляется скрыто и незаметно: в отношении к окружающему миру, манере поведения, способам общения, в склонностях и пристрастиях, образе жизни, традициях и привычках [Павловская 2007, 5].

Национальная логика мышления предполагает прежде всего обращение к коллективному этническому сознанию, выраженному с помощью разнородных языковых структур, как манифестантов национальной ментальности, которую традиционно исследовали через лексическую систему языка. Однако, изучение только словарного состава не может дать целостной картины, в связи с чем возникает вопрос о степени участия разных уровней языковой системы в представлении языковыми формами ментальности той или другой национально-культурной общности.

В лингвистической литературе довольно давно начали обсуждать вопрос о том, можно ли считать морфологию и синтаксис «полноценным» материалом для изучения национальной ментальности. В середине XX столетия Э. Сепир убедительно доказывал, что каждый язык образует из простых исходных элементов самобытный мир форм и «на основе этих форм в сознании носителей языка складывается [...] понимание всех возможных содержаний» [Сепир 1993]. Ученик Э. Сепира Бенджамин Л. Уорф позднее детально рассмотрел грамматические модели как способы интерпретации действительности. Ученый пришел к выводу, что на поведение людей достаточно сильно влияют разные типы грамматических категорий (числа, рода, одушевленности/неодушевленности, времени и т. п.), а грамматика любого языка отображает соответствующую культуру [Сепир 1993].

Современные лингвисты (Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, И.А. Голубовская, В.В. Колесов, О.А. Корнилов, О.В. Падучева, И.А. Стернин, С.Г. Тер-Минасова) на эмпирическом материале конкретных языков (английского, немецкого, японского, русского, французского, польского, украинского, китайского и др.) убедительно демонстрируют отображение специфики национального мировосприятия языковыми единицами, принадлежащими не только лексическому, а и другим уровням языковой системы.

Эту точку зрения разделяет и В.Н. Телия, которая считает, что языковая картина мира образуется не только с помощью красок конкретной лексики и опредмечивания процессуальных значений, а также с «использованием синтаксических конструкций, которые с первых этапов существования языка отображали отношения между элементами действительности...» [Телия 1988, 178].

Для каждого общества характерны определенные философские, социальные и этические нормы и ценности, что является причиной определенного модуса восприятия мира. Результат такого восприятия – отдельные картины мира – мифологическая, религиозная, философская и др. В сознании людей, принадлежащих к определенной национальной общности, существу-

ет и передается от поколения к поколению особенный образ мира с присущими ему универсальными и этнокультурными особенностями.

В последнее время понятие языковой картины мира экстраполируется на речевой уровень, о чем свидетельствуют студии таких ученых, как В.Н. Телия, А.А. Леонтьев, Ю.А. Сорокин, И.А. Стернин. Так, В.Н. Телия предлагает с позиций лингвокультурологии изучать культурную семантику языковых знаков (номинативного инвентаря и текстов) в их живом, синхронном функционировании, отображающем культурно-национальную ментальность носителей языка [Телия 1999, 14]. При этом уточняется, что интерактивные процессы взаимодействия двух семиотических систем (языка и культуры) основываются на культурно-языковой компетенции адресанта/адресата, а экспликация когнитивных процедур осуществляется субъектом при интерпретации культурно значимой референции языковых знаков прежде всего на материале реализации языковых явлений в дискурсах разных типов. Это способствует эффективному изучению культурного самосознания как отдельного субъекта, так и языковой общности в ее полифонической целостности [Телия 1999, 15].

А.А. Леонтьев отстаивает необходимость изучения национально-культурной вариантности в речевых операциях, речевых действиях и целостных актах речевой деятельности, в языковом сознании (под которым он понимает когнитивное использование языка и других знаковых систем), а также во внешней и внутренней организации процессов речевого общения [Леонтьев 1997, 192]. Кроме того, ученый поднимает еще и проблемы этнопсихолингвистической детерминации речевой деятельности, языкового сознания, особенностей общения и т. п.

Этнопсихолингвистика выступает продуктом взаимодействия культурологии и психолингвистики [Сорокин 1994], она ориентирована на изучение вербальных и невербальных элементов этнического поведения, а также на контрастивное сопоставление «текстов» (лингвокультурных сценариев и матриц), обслуживающих тот или другой этнос [Сорокин 1994, 4]. Рассматривая текст как источник культурологической информации, Ю.А. Сорокин указывает, что для культурологии представляет интерес сравнение менталитетов двух лингвокультурных общностей с целью выявления расхождений и совпадений между ними [Сорокин 1998, 17].

Национальное коммуникативное поведение неотъемлемо от таких понятий, как национальный менталитет, национальная ментальность, национальный характер, темперамент и т. п.

Обратимся к характеристике понятия «менталитет», которое уже долгое время находится в центре внимания ученых. В узком понимании *менталитет* толкуется как стойкий склад ума [Филд 1996, 8], как понятие, приближенное к истокам «мировидения» [Ревель 1993, 51]. Любой народ характеризует определенный тип мышления, который и определяет картину мира [Гачев 1995, 21]. Менталитет также рассматривают как совокупность мыслей и представлений, присущих той или другой языковой группе. Эта позиция

отождествляет понятие «менталитета» с «картиной мира». Отдавая предпочтение термину «ментальность», В.В. Колесов определяет ее как мировоззрение в категориях родного языка, в котором объединяются интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в его типичных проявлениях* [Колесов 2004, 14].

Для широкого понимания понятия менталитет релевантными считаются способы поведения, восприятия и реакции определенного этноса [Гетц 1993, 59]. Таким образом, понятие менталитет включает как способы осмысления мира, так и его результаты – образы и представления, то есть содержательную сторону восприятия мира. При этом учитывается и поведенческая сторона человеческой деятельности: кроме ментальных процессов и их содержания в понятие менталитет включаются и поступки.

При анализе содержания этого понятия обоснованным и логичным представляется рассмотрение менталитета как способа восприятия мира, мировоззрения, обусловленного психическими характеристиками нации, а также социально-историческими условиями ее существования. Менталитет – это характер народа, про который писал В. фон Гумбольдт [Гумбольдт 2000, 370] и который отображается в языке, литературе, религии, во всей духовной жизни нации. По В. фон Гумбольдту, характер нации сказывается на характере языка, что демонстрирует «объединенную духовную энергию народа» и олицетворяет своеобразие целого народа; «язык – не просто отпечаток идей определенного народа, а и выражение его видения мира» [Гумбольдт 2000, 348–349].

Глобальным понятием, связанным с формированием и толкованием картины мира, является мировоззрение [Серебренников, Кубрякова, Постовалова и др. 1988, 20]. Видение мира – это и есть менталитет, который проявляется в образах и представлениях, составляющих картину мира, а также в речевом поведении. О менталитете можно говорить на основе анализа картины мира, хотя, безусловно, разграничение менталитета и картины мира является отчасти механическим. Эти два явления взаимообусловлены и взаимозависимы, менталитет можно исследовать на основе характеристик картины мира, прежде всего эксплицитных.

Менталитет влияет на процессы когниции, включая в эти процессы и структурирование накопленных знаний. Механизмы когниции в основном являются универсальными, а расхождения в приобретенных знаниях определяются своеобразием менталитетов народов. Менталитет отображается в картинах мира в разной степени. В тех случаях, когда приоритетная роль принадлежит рациональному, логическому мышлению, менталитет проявляется в меньшей степени. Однако, как считает Г.Д. Гачев, даже немецкая

* Мы считаем, что менталитет в узком понимании по содержанию обозначенного понятия равняется ментальности.

классическая философия, которая претендует на универсальность, имеет отпечаток немецкого видения мира [Гачев 1995, 13].

При анализе менталитета необходимо учитывать социально-культурную дифференциацию внутри нации. Это означает, что, кроме общих черт национального менталитета, следует учитывать и менталитет отдельных групп [Гуревич 1993, 21]. Менталитет одинаковых социокультурных групп разных языковых общностей имеет больше схожих признаков, чем менталитет разных социокультурных групп внутри одной языковой общности [Почепцов 1999, 119–120].

Менталитет народа характеризуется стойкостью, стабильностью, консервативностью, хотя в каждую эпоху приобретает новые признаки. Неоспоримой является взаимосвязь культуры и менталитета, где культура относительно менталитета, по словам В.Н. Телии, выступает агентом, формируя последний. Безусловно, менталитет народа в конкретный исторический период зависит от менталитета предыдущих поколений, что проявляется в культуре, и в этом понимании он определяется и формируется культурой. Однако менталитет народа в данный период времени активно влияет на дальнейшее развитие культуры. Это две взаимозависимые и взаимодействующие категории, так что вопрос о первичности одной из них вряд ли можно считать корректным с научной точки зрения [Иванова 2002]. Кроме того, по мнению О.А. Корнилова, менталитет определяется еще и природными факторами, внешними условиями существования народа и не ограничивается рамками культуры. Он появляется в культуре и влияет на культуру, но характерные черты менталитета народа зависят не только от особенностей национальной культуры [Корнилов 2003].

В рамках нашего исследования мы понимаем ментальность как национальный способ мышления. Менталитет, по сравнению с ментальностью, является более широким понятием, включая в свой состав социальные, экономические, политические, духовные и моральные стороны общественной жизни этноса, которые и обуславливают его национальный характер и самоидентификацию [Кравченко 2000, 6].

В своей статье, посвященной национальному коммуникативному поведению, мы хотели бы обратиться к специфике прагматики речевого общения. В последнее время вышел ряд научных работ, где универсальные и идиоэтнические особенности определяются именно на прагматическом уровне в различных стандартных коммуникативных ситуациях: «примирения» [Божко 2003]; «признания в любви» [Кушнір 2005]; «оправдания» [Корольов 2008]. Например, в коммуникативной ситуации «оправдание» мы выделили три коммуникативные стратегии (*аргументативную, вежливости и личностно-ориентированную*), каждая из которых реализуется интегрированным набором речевых тактик: «Оправдание действий, вызвавших конфликтную ситуацию», «Признание вины коммуникантом», «Декларация искренности», «Апелляция к предшествующему позитивному опыту отношений», «Призыв

к сочувствию со стороны собеседника», «Поиск существенного аргумента оправдания», «Опровержение утверждения собеседника», «Вербализация положительного отношения к собеседнику/объекту оправдания», «Реакция на измененное психическое/физическое состояние одного из коммуникантов», «Поиск иного виновного/ответственного», которые являются универсальными для украинской, русской и английской лингвокультур. Нами также было установлено, что инициатор оправдания в русском и английском языках чаще всего выступает в социальной роли *Взрослого*, а в украинском – *Ребенка* [см. подробнее Корольов 2008]. Проанализировав вербальный и невербальный компоненты определенной стандартной коммуникативной ситуации, можно определить как универсальные, так и идиоэтнические особенности речевого поведения определенного этноса. Таким образом, в коммуникативной ситуации «оправдание» мы охарактеризовали национально-культурную специфику коммуникативного поведения украинцев, русских и англичан. В частности, удалось определить тенденцию украинцев к эмоциональности, русских – к искренности, а англичан – к вежливости. Именно эмоциональность и экспрессивность украинцев детерминирует выбор социальной роли Ребенка в коммуникативной ситуации «оправдание». Характерными чертами англичан в коммуникативной ситуации «оправдание» являются стабильность и постоянство в поведении, терпимость и невмешательство в чужие дела, замкнутость, индивидуализм и прагматизм; русские и украинцы, в свою очередь, демонстрируют категоричность и прямолинейность, нарушение зоны личной автономии *Другого* [см. подробнее Корольов 2008; Стернин, Ларина, Стернина 2003; Павловская 2007]. Стоит также отметить, что искренность является более характерной для русской языковой личности, а экспрессивность – для украинской.

Литература

- Бацевич Ф.С., 2003, *Нариси з комунікативної лінгвістики*, Вид. центр Львівськ. нац. ун-ту, Львів.
- Божко Г.П., 2003, *Речевые тактики в репертуаре русской языковой личности (на материале коммуникативной ситуации «примирение»)*, дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02, Киев.
- Гачев Г.Д., 1995, *Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос*, Прогресс-Культра, Москва.
- Гетц Г.В., 1993, *Изучение ментальностей: Взгляд из Германии*, [в:] *Споры о главном: Сб. статей*, Москва, с. 58–64.
- Голубовська І.О., 2004, *Етнічні особливості мовних картин світу*, Логос, Київ.
- Гумбольдт В. фон, 2000, *Избранные труды по языкознанию*, Прогресс, Москва.
- Гуревич А.Я., 1993, *От истории ментальностей к историческому синтезу*, [в:] *Споры о главном: Сб. статей*, Москва, с.16–29.
- Иванова Е.В., 2002, *Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц)*, Санкт-Петербург.
- Караулов Ю. Н., 1987, *Русский язык и языковая личность*, Наука, Москва.

- Колесов В.В., 2004, *Язык и ментальность*, Петербургское востоковедение, Санкт-Петербург.
- Корнилов О.А., 2003, *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*, ЧеРо, Москва.
- Корольов І.Р., 2008, *Комунікативна ситуація «виправдання»: функціонально-прагматичний та лінгвокультурний аспекти (на матеріалі української, російської та англійської художньої прози XIX ст.)*, автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.15, Київ.
- Кравченко А.Г., 2000, *Менталітет як об'єкт соціально-філософського дослідження*, автореф. дис. ... канд. філософ. наук: 09.00.03, Київ.
- Кушнір Н.О., 2005, *Вербалізація чуттєвих інтенцій у російському діалогічному мовленні (на матеріалі комунікативної ситуації «освідчення в коханні»)*, автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.02, Київ.
- Леонтьев А.А., 1997, *Основы психолингвистики: Учебник*, Смысл, Москва.
- Павловская А.В., 2007, *Особенности национального характера итальянцев, англичан, немцев, норвежцев и финнов, американцев, исландцев*, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва.
- Почепцов Г.Г., 1999, *Теорія комунікації*, ВЦ «Київський університет», Київ, с. 75–90.
- Ревель Ж., 1993, *История ментальностей: Опыт обзора*, [в:] *Споры о главном: Сб. статей*, Москва, с. 51–58.
- Сепир Э., 1993, *Избранные труды по языкознанию и культурологии*, Прогресс, Москва.
- Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И. и др., 1988, *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*, Наука, Москва.
- Сорокин Ю.А., 1994, *Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты)*, Русский лицей, Самара.
- Сорокин Ю.А., 1998, *Введение в этнопсихолингвистику: учеб. пособие*, Ульяновск. гос. ун-т, Ульяновск.
- Стернин И.А., 1989, *О понятии коммуникативного поведения*, [в:] *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*, Halle, с. 279–282.
- Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А., 2003, *Очерк английского коммуникативного поведения*, Истоки, Воронеж.
- Телия В.Н., 1988, *Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира*, [в:] *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*, Наука, Москва, с. 173–204.
- Телия В.Н., 1999, *Основные постулаты лингвокультурологии*, [в:] *Филология и культура: Мат-лы II междунаrodn. конф. В 3-х ч.*, Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, Тамбов, ч. 3, с. 14–15.
- Тер-Минасова С.Г., 2007, *Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межкультурной и межкультурной коммуникации*, АСТ: Астрель; Хранитель, Москва.
- Филд Д., 1996, *История менталитета в зарубежной исторической литературе*, [в:] *Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.)*, Москва, с. 7–22.

Communicative behaviour of different ethnoses: universal and national-specific

Summary

The article observes the national communicative behavior as a conceptual category with universal and idioethnical features. In particular, mentality, mentalities, national character, speech etiquette definitions are given. Communicative strategies and tactics, used by communicants in a certain social role, as national-cultural markers of pragmatic level of standard communicative situations are analyzed.